

БИОЛОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ / BIOLOGICAL ANTHROPOLOGY

Научная статья / Research Article

<https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-1-10>

УДК/UDC 572.5/.7/.9

Оценка предпочтений выраженности полового диморфизма по соматическим показателям у мужчин и женщин из восьми популяций с территории России

А.А. Хафизова¹✉, В.В. Ростовцева², А.А. Мезенцева², Д.А. Дронова², Н.Б. Дашиева³,
А.А. Короткова⁴, Н.А. Стручкова⁵, Ч.К. Иргит⁶, Н.П. Мацакова⁷, М.Л. Бутовская²

¹ Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

² Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

³ Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Российская Федерация

⁴ Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация

⁵ Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация

⁶ Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация

⁷ Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

✉ aya.khafizova@gmail.com

РЕЗЮМЕ

Цель работы состояла в оценке предпочтений выраженности полового диморфизма по четырем соматическим признакам (длине тела, развитию мускулатуры, физической силе и жиротложению) у мужчин и женщин в восьми популяциях, различающихся по происхождению, этнокультурным особенностям, социально-экономическим и экологическим условиям жизни.

Материалы и методы. Объединенная выборка включала 1501 человека (610 мужчин и 891 женщину) в возрасте от 17 до 39 лет (средний возраст: $20,8 \pm 4,3$), представляющих восемь популяций, проживающих на территории России: буряты, якуты, калмыки, тувинцы, кабардинцы, балкарцы, русские (из Москвы и из Тулы). Материалы собраны в период с 2022 по 2024 г. Для оценки предпочтений полоспецифических особенностей по четырем соматическим критериям использовался авторский опросник.

Результаты и обсуждение. Во всех изученных выборках мужчины и женщины считали привлекательным выраженный половой диморфизм по длине тела, в соответствии с нормой «мужчина выше женщины». Большинство мужчин предпочитали худощавых женщин со слабым развитием мускулатуры и физической силы, в то время как женщины отдавали предпочтение физически сильным мужчинам с хорошо развитой мускулатурой. Популяционные различия в антропометрических представлениях проявились в том, что в группах калмыков, кабардинцев и балкарцев более привлекательными считались выраженные проявления полового диморфизма по длине тела, мускулистости и физической силе, в то время как предпочтения якутов и русских из Москвы были менее однозначными. Практически во всех мужских группах были выявлены устойчивые ассоциации между предпочтениями выраженности полового диморфизма по длине тела и физической силе, а также по развитию мускулатуры и жиротложению. Наиболее устойчивыми в женских группах были ассоциации предпочтений полового диморфизма по длине тела и физической силе, а также по развитию мускулатуры и физической силе.

Заключение. Выявленные антропометрические предпочтения, связанные с выраженностью полоспецифических особенностей по разным соматическим критериям, отражают как универсальные, так и специфические для разных популяций, представления о межполовой привлекательности, обусловленные эволюционными и социокультурными факторами.

Ключевые слова: физическая привлекательность; половой диморфизм; половой отбор; длина тела; мускулатура; жиротложение; социокультурные факторы; стандарты телесной красоты

© Хафизова, А.А., Ростовцева, В.В., Мезенцева, А.А., Дронова, Д.А., Дашиева, Н.Б., Короткова, А.А., Стручкова, Н.А., Иргит, Ч.К., Мацакова, Н.П., Бутовская, М.Л., 2026

© Khafizova, A.A., Rostovtseva, V.V., Mezentseva, A.A., Dronova, D.A., Dashieva, N.B., Korotkova, A.A., Struchkova, N.A., Irgit, Ch.K., Matsakova, N.P., Butovskaya, M.L., 2026

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00277.

Для цитирования: Хафизова А.А., Ростовцева В.В., Мезенцева А.А., Дронова Д.А., Дашиева Н.Б., Короткова А.А., Стручкова Н.А., Иргит Ч.К., Мацакова Н.П., Бутовская М.Л. Оценка предпочтений выраженности полового диморфизма по соматическим показателям у мужчин и женщин из восьми популяций с территории России // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2026. № 1. С. 121-138. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-1-10>

Assessing Preferences for Sexual Dimorphism in Somatic Traits among Men and Women from Eight Populations across Russia

Ainur A. Khafizova ¹✉, Victoria V. Rostovtseva ², Anna A. Mezentseva ², Daria A. Dronova ², Nadezhda B. Dashieva ³, Anna A. Korotkova ⁴, Natalia A. Struchkova ⁵, Choduraa K. Irgit ⁶, Natalya P. Matsakova ⁷, Marina L. Butovskaya ²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

² Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³ East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

⁴ Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula Russian Federation

⁵ North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation

⁶ Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation

⁷ Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

✉ aya.khafizova@gmail.com

ABSTRACT

The aim of this study was to assess preferences for sexual dimorphism in four somatic traits (height, muscle development, physical strength, and fat deposition) among males and females across eight populations differing in origin, culture, socio-economic and ecological conditions.

Materials and Methods. The sample consisted of 1501 individuals (610 males and 891 females) aged 17 to 39 years (mean age: 20.8 ± 4.3), representing eight populations residing in Russia: Buryats, Yakuts, Kalmyks, Tuvans, Kabardians, Balkars, and Russians (from Moscow and Tula). Data were collected from 2022 to 2024. To assess preferences for sexually dimorphic traits an author's questionnaire was utilized.

Results and Discussion. In all samples, both men and women found pronounced sexual dimorphism in height, following generally accepted "male-taller norm", to be attractive. The majority of men preferred slender women with low muscle development and physical strength, while women favored physically strong men with well-developed musculature. Population differences in anthropo-aesthetic preferences were revealed. Kalmyks, Kabardians, and Balkars considered pronounced sexual dimorphism in height, musculature, and physical strength to be more attractive, whereas Yakuts and Russians from Moscow expressed less definitive preferences. In nearly all male groups, consistent associations were found between preferences for sexual dimorphism in height and physical strength, as well as muscle development and fat deposition. The most robust associations in female groups pertained to preferences for sexual dimorphism in height and physical strength, as well as muscle development and physical strength.

Conclusion. The identified anthropo-aesthetic preferences related to the expression of sexually dimorphic traits across various somatic criteria reflect universal and culturally specific ideas about physical attractiveness, shaped by evolutionary and sociocultural factors.

Keywords: physical attractiveness; sexual dimorphism; sexual selection; height; muscle mass; fat deposition; sociocultural factors; beauty standards

Funding. The study has been supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-18-00277.

For citation: Khafizova A.A., Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentseva A.A., Dronova D.A., Dashieva N.B., Korotkova A.A., Struchkova N.A., Irgit Ch.K., Matsakova N.P., Butovskaya M.L. Assessing Preferences for Sexual Dimorphism in Somatic Traits among Men and Women from Eight Populations across Russia. *Lomonosov Journal of Anthropology*. 2026 (1), pp. 121-138. <https://doi.org/10.55959/MSU2074-8132-26-1-10>

Введение

Формирование антропозстетических предпочтений у человека происходит под влиянием эволюционных, экологических, социально-экономических и социокультурных факторов, тесно взаимодействующих друг с другом и составляющих уникальный комплекс для каждой отдельной популяции (Davis, Arnocky, 2022; Frederick, Reynolds, 2022).

Многочисленные исследования физической привлекательности человека проводятся в рамках двух основных подходов, нередко противопоставляемых друг другу, – эволюционного и социокультурного (Frederick, Reynolds, 2022). Однако, учитывая комплексную природу антропозстетических феноменов, для более глубокого понимания предпочтений и поведенческих паттернов, связанных с внешностью, при их изучении целесообразно использовать интегративный подход, позволяющий одновременно учитывать как эволюционные предпосылки их формирования, так и социокультурные факторы, включающие характерные для различных культур представления об идеалах красоты (физической привлекательности), ценности и установки, связанные с внешностью, влияние со стороны семьи, сверстников и СМИ, социальные и гендерные нормы и другие аспекты (Davis, Arnocky, 2022; Frederick, Reynolds, 2022).

С позиций эволюционного подхода обоснование привлекательности определенных фенотипических характеристик базируется на теории полового отбора (Бутовская, 2004, 2013; Stulp, Barrett, 2016; Gallup, Fink, 2018; Bovet, 2019; Frederick, Reynolds, 2022; Lassek, Gaulin, 2022; Watkins, 2025). Предполагается, что наиболее привлекательными для противоположного пола считаются те фенотипические качества, которые сигнализируют о приспособленности их обладателя (показатели «хороших генов», здоровья, репродуктивного потенциала, стабильности развития, физической силы и т.д.). Соответственно, предпочтения определенных признаков могут иметь адаптивную ценность и увеличить репродуктивный успех. В связи с этим физическая привлекательность является одним из факторов выбора полового партнера.

Оценка физической привлекательности осуществляется по различным критериям, среди которых значимую роль играют соматические

признаки, в том числе длина тела (рост), длина ног, масса тела, индекс массы тела, отношение обхвата талии к обхвату бедер у женщин, показатели компонентного состава тела (развитие жировоголожения у женщин и мускулатуры у мужчин) (Singh et al., 2010; Swami et al., 2010; Sorokowski et al., 2011; Stulp, Barrett, 2016; Gallup, Fink, 2018; Bovet, 2019; Watkins, 2025).

Длина тела представителей противоположного пола подвергается оценке как со стороны мужчин, так и со стороны женщин, однако, для последних является более значимым признаком, который учитывается при выборе полового партнера (Stulp, Barrett, 2016; Pisanski et al., 2022). Предпочтения мужчин в данном случае имеют относительный характер и ограничиваются различием в длине тела, при котором рост женщин должен быть ниже, чем их собственный (Stulp, Barrett, 2016). При этом предпочтения невысокого роста у женщин как такового не наблюдаются: с точки зрения мужчин абсолютные значения длины тела у наиболее привлекательных женщин варьируют в диапазоне средних значений по популяции (или чуть выше среднего). В свою очередь женщины не только предпочитают, чтобы рост мужчин был значительно выше их собственного, но и ориентируется на абсолютные значения длины тела потенциальных партнеров (Stulp, Barrett, 2016; Pisanski et al., 2022). Так, например, в западноевропейских странах женщины предпочитают мужчин, рост которых выше среднего для данной популяции (Pisanski et al., 2022).

В целом, предпочтения мужчин и женщин относительно роста потенциального партнера соответствуют реально наблюдаемому половому диморфизму по этому признаку. Известно, что в среднем рост мужчин превышает рост женщин, однако величина различий значительно варьируется в зависимости от популяции (Wells, 2012; NCD RiskC, 2016; Stulp, Barrett, 2016).

В рамках эволюционного подхода длина тела рассматривается как показатель приспособленности индивида, здоровья, стабильности развития, физических способностей (Swami et al., 2008; Stulp, Barrett, 2016; Pisanski et al., 2022). Высокий рост у мужчин ассоциируется с большей физической силой и выносливостью, более высоким социальным статусом, лидерскими качествами, агрессивностью и доминантностью, т. е. является косвенным показателем

способности защитить своего партнера и потомство и обеспечить их ресурсами. Следовательно, предпочтения женщин относительно роста потенциального партнера обусловлены прямыми и непрямыми выгодами, которые могут способствовать повышению их репродуктивного успеха. Кроме этого, некоторые социокультурные факторы (нормы и стереотипы) также могут оказывать влияние на женские предпочтения более высокого роста у мужчин (Swami et al., 2008).

Предпочтения полового диморфизма по росту, при котором мужчина выше женщины или, иными словами, «норма мужчина-выше-женщины» (англ. *male-taller norm*), наблюдаются во многих современных популяциях (Дронова, Бутовская, 2020; Ростовцева с соавт., 2024a; Stulp et al., 2017; Sorokowski et al., 2020). Однако, в некоторых традиционных сообществах предпочтения иные, включая инвертированные (при которых женщина выше мужчины), что, возможно, обусловлено экологическими факторами и образом жизни, характерными для этих популяций (Sorokowski, Butovskaya, 2012; Sorokowski, Sorokowska, 2012).

Одним из наиболее изученных и значимых морфологических предикторов женской физической привлекательности является индекс массы тела (ИМТ), который в контексте исследований антропоэстетических предпочтений чаще всего используется как косвенный показатель развития жиротложения. В многочисленных исследованиях выявлено, что вариация значений ИМТ определяет порядка 75–85% изменчивости оценок привлекательности в европейских и азиатских группах, в то время как в африканских – 46–75%, при этом наблюдается практически универсальная тенденция к предпочтению мужчинами пониженных значений ИМТ у женщин (порядка 18–20 кг/м²) (Tovée et al., 1998; 2006; Swami, Tovée, 2005, 2007; Swami et al., 2006, 2010; Kościński, 2013; Wang et al., 2015). Наряду с этим показано, что процентное содержание жировой ткани в организме также является значимым независимым морфологическим предиктором отрицательных оценок привлекательности (Faries, Bartholomew, 2012; Wang et al., 2015).

Таким образом, относительная худощавость и пониженное жиротложение у женщин считается физически привлекательными в различных популяциях. При этом развитие жировой

ткани характеризуется выраженным половым диморфизмом. У женщин жировой компонент телосложения развит сильнее, чем у мужчин, что необходимо для нормального протекания физиологических процессов, поддержания здоровья и репродуктивной функции (Wells, 2012; Lassek, Gaulin, 2018, 2022). В связи с этим, достаточно затруднительно объяснить характерные для многих современных обществ антропоэстетические предпочтения субтильного телосложения у женщин с позиций эволюционного подхода, базирующегося на предположении о том, что соматические признаки физической привлекательности являются сигналами приспособленности особи, а в случае женщин – их здоровья и фертильности (Lassek, Gaulin, 2018). По всей видимости, предпочтения в данном случае определяются преимущественно социокультурными факторами – широким распространением унифицированного стандарта телесной красоты, навязанного, прежде всего, законодателями моды – модельными агентствами (Swami et al., 2010; Wang et al., 2015; Lassek, Gaulin, 2018).

В большинстве современных западных обществ физическая привлекательность женщин в значительной степени зависит от соответствия строгому стандарту худобы (англ. *strict thinness norm*), предполагающему узкий диапазон допустимых значений массы тела и стигматизацию полноты (Leopold, 2025). В той или иной форме доминирующий идеал женской телесной красоты – идеал стройности (лептосомный тип), характеризующийся узкосложенным телосложением с минимальным развитием жировой ткани, – культивировался в западных культурах на протяжении XX–XXI вв. (Tiggemann, 2012). Современные стандарты женской телесной красоты, в сущности, являются незначительными модификациями лептосомного стандарта, в которых делается акцент на определенные соматические характеристики, например, на подтянутость и развитую мускулатуру в случае *fit*-идеала (субатлетический тип) (Donovan et al., 2020), или на чрезвычайно низкие значения отношения обхвата талии к обхвату бедер для *slim-thick*-идеала (фигура по типу «песочные часы» с очень тонкой талией, но широкими бедрами) (McComb, Mills, 2022).

Следует отметить, что в некоторых популяциях привлекательными считаются женщины с высокими значениями ИМТ (избыточным ве-

сом) и развитым жиротложением (Tovée et al., 2006; Sorokowski et al., 2014). В данном случае кросс-популяционная вариация стандартов привлекательности, по всей видимости, обусловлена социально-экономическими и экологическими условиями и доступностью пищевых ресурсов в тех или иных группах. Если условия жизни характеризуются недостатком пищи, то привлекательной будет считаться женская полнота, которая ассоциируется с неограниченным доступом к ресурсам, недоступным для большинства членов сообщества, и воспринимается как сигнал здоровья, богатства, женственности и плодовитости (Swami et al., 2010; Sorokowski et al., 2014).

Значимым критерием мужской физической привлекательности является мускулистость (Frederick, Haselton, 2007; Durkee et al., 2019; Sidari et al., 2021). Для этого соматического признака также характерен ярко выраженный половой диморфизм: у мужчин по сравнению с женщинами более развита мускулатура и выше силовые характеристики (Wells, 2012; Gallup, Fink, 2018; Lassek, Gaulin, 2022). Результаты многих исследований показали, что показатели мускулистости, включающие мезоморфный соматотип, широкие плечи, развитые мышцы, особенно в верхней части туловища, большую физическую силу, воспринимаются как более привлекательные женщинами из разных популяций (Dixson et al., 2007, 2010; Coy et al., 2014; Sell et al., 2017; Gallup, Fink, 2018; Sidari et al., 2021). Привлекательность данных характеристик для женщин может быть обусловлена тем, что мускулистость мужчин является показателем общего здоровья, приспособленности и физической силы, и косвенно позволяет оценить их способности к борьбе, охоте, трудовой деятельности, приобретению и защите ресурсов, защите партнера и потомства. Кроме этого, признаки, связанные с развитием мышц, играют значимую роль и во внутривидовой конкуренции мужчин, которая, также может оказывать влияние на выбор женщинами полового партнера (Coy et al., 2014; Sell et al., 2017; Gallup, Fink, 2018; Durkee et al., 2019; Lassek, Gaulin, 2022).

Привлекательность мускулистости у мужчин отчасти может быть обусловлена социокультурными факторами, включающими особенности социальной организации, гендерные роли, и стандарты привлекательности, принятые в том

или ином обществе (Coy et al., 2014). Например, идеал мужской телесной красоты в западных обществах характеризуется хорошо развитой мускулатурой, низким жиротложением, «V-образной» фигурой (широкими плечами и грудной клеткой, узкими талией и бедрами) (Tiggemann, Anderberg, 2020). Примечательно, что социокультурные стандарты мужской телесной красоты соответствуют сформировавшимся в ходе эволюции фенотипическим маркерам привлекательности, в отличие от женских.

Таким образом, многие представления о физической привлекательности, которые разделяют представители разных популяций и культур, в значительной степени зависят от степени выраженности полового диморфизма соматических признаков.

Цель настоящего исследования состояла в оценке предпочтений выраженности полового диморфизма по четырем соматическим признакам (длине тела, развитию мускулатуры, физической силе и жиротложению) у мужчин и женщин в восьми популяциях, различающихся по происхождению, этнокультурным особенностям, социально-экономическим и экологическим условиям жизни.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие представители восьми популяций, различающихся по расовому и этническому происхождению. Объединенная выборка включала 1501 человека (610 мужчин и 891 женщину) в возрасте от 17 до 39 лет (средний возраст: $20,8 \pm 4,3$). Характеристика изученных выборок представлена в таблице 1.

Практически во всех изученных выборках большая часть респондентов относилась к возрастным категориям «менее 20 лет» и «20–29 лет». Исключение составили группы тувинцев и москвичей, средний возраст которых несколько выше (мужчины: $F=58,45$, $p<0,001$; женщины: $F=92,23$, $p<0,001$). Поскольку достоверных различий по всем включенным в анализ признакам между группами разного возраста выявлено не было, а также по причине небольшой численности некоторых выборок, разделение на подгруппы по возрастным категориям не осуществлялось. Следует отметить, что возраст респондентов (преобладающее большинство моложе 25 лет)

Таблица 1. Характеристика изученных выборок
Table 1. Sample characteristics

Этническая группа Populations	Место обследования Place of survey	Год Year of survey	Пол Sex	N	%	Возраст Ages (M+SD)
Буряты Buryats	Республика Бурятия, г. Улан-Удэ Republic of Buryatia, Ulan-Ude	2022	Мужчины Males	92	50,3	20,0 ± 2,37
			Женщины Females	91	49,7	20,1 ± 2,06
Якуты Yakuts	Республика Саха, г. Якутск Republic of Sakha, Yakutsk	2024	Мужчины Males	97	47,5	20,7 ± 2,34
			Женщины Females	107	52,5	21,3 ± 3,02
Калмыки Kalmyks	Республика Калмыкия, г. Элиста Republic of Kalmykia, Elista	2024	Мужчины Males	88	51,2	19,9 ± 1,91
			Женщины Females	84	48,8	19,2 ± 1,52
Тувинцы Tuvans	Республика Тыва, г. Кызыл Republic of Tuva, Kyzyl	2022–24	Мужчины Males	56	38,4	27,3 ± 6,79
			Женщины Females	90	61,6	28,7 ± 7,04
Кабардинцы Kabardians	Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik	2023	Мужчины Males	109	43,4	18,1 ± 1,06
			Женщины Females	142	56,6	19,1 ± 1,71
Балкарцы Balkars		2023	Мужчины Males	49	48,0	19,0 ± 1,87
			Женщины Females	53	52,0	19,3 ± 1,46
Русские Russians	Тульская область, г. Тула Tula region, Tula	2022	Мужчины Males	88	25,3	19,9 ± 1,66
			Женщины Females	260	74,7	20,1 ± 2,07
Русские Russians	г. Москва Moscow	2022	Мужчины Males	31	32,6	23,6 ± 8,02
			Женщины Females	64	67,4	22,9 ± 7,11
Объединенные данные Total sample			Мужчины Males	610	40,6	21,0 ± 4,44
			Женщины Females	891	49,4	20,5 ± 4,07

мог оказать влияние на особенности оценочных суждений о критериях привлекательности.

Для оценки мужских и женских предпочтений выраженности полового соматического диморфизма использовался авторский опросник, подробное описание которого представлено

в одной из предыдущих работ авторов (Ростовцева с соавт., 2024a). Опросник включал в себя несколько утверждений, сформулированных на основе известных половых различий соматических признаков, характерных для всех человеческих популяций (длина тела, уровень развития

мускулатуры и показатели физической силы в среднем выше у мужчин, по сравнению с женщинами, в то время как относительное содержание жировой ткани в среднем выше у женщин, чем у мужчин). Респондентам предлагалось оценить каждое утверждение по пятибалльной шкале в соответствии со степенью своего согласия, где 1 – полностью не согласен/согласна, а 5 – полностью согласен/согласна. Более высокие баллы отражали предпочтение более выраженного соматического полового диморфизма.

Значения баллов по предпочтениям выраженности полового диморфизма соматических признаков имели распределение, отличное от нормального, во всех выборках, в связи с этим, для статистического анализа были использованы непараметрические методы анализа. Для оценки половых различий использовался U-критерий Манна-Уитни, для оценки межгрупповых (популяционных) различий использовался непараметрический аналог дисперсионного анализа – тест Краскела-Уоллеса. Для изучения направления и тесноты ассоциаций между показателями предпочтений выраженности полового диморфизма по разным соматическим признакам проводился расчёт коэффициентов корреляции Спирмена. Порог статистической значимости установлен на уровне 0,05 (5%).

Для статистической обработки материалов и построения графиков использовались программы Statistica 10.0, Microsoft Excel из набора программ Microsoft 365, и пакет ggplot2 (R среда).

Материалы собраны с соблюдением правил биоэтики. Респонденты принимали участие в исследовании на добровольной основе с сохранением принципов анонимности и подписывали информированное согласие. Исследование одобрено протоколом Ученого совета Института этнологии и антропологии Российской академии наук (протокол №1 от 19 февраля 2015 г.).

Результаты

На рисунке 1 представлены средние значения показателей предпочтения выраженности полового диморфизма по четырем соматическим показателям в восьми изученных выборках.

Представители всех включенных в анализ групп предпочитали высокий уровень полового диморфизма по длине тела (при котором мужчи-

на выше женщины) (рис. 2). Средние значения показателя предпочтений полового диморфизма по длине тела статистически достоверно различались между мужчинами и женщинами во всех выборках, за исключением якутов (рис. 1А). Для женщин, в среднем, были получены более высокие значения данного показателя. Популяционные различия выявлены как среди мужских ($N = 30,29$, $p < 0,001$), так и среди женских групп ($N = 25,17$, $p < 0,001$). Самые высокие значения среди мужчин наблюдались в выборке якутов, среди женщин – в выборке калмыков, самые низкие значения получены среди мужчин для тувинцев, среди женщин – для якутов (рис. 1А).

Во всех изученных выборках более высокие средние значения показателя предпочтений выраженности полового диморфизма по развитию мускулатуры (при котором у мужчин более развиты мышцы, чем у женщин) были характерны для мужчин (рис. 1Б). Большинство мужчин предпочитали женщин со слабым развитием мускулатуры, в то время как женщины отдавали предпочтение мужчинам с хорошо развитой мускулатурой (рис. 3). Статистически достоверные половые различия средних значений показателя предпочтений полового диморфизма по развитию мускулатуры установлены в выборках бурят, калмыков, кабардинцев, русских из Москвы (рис. 1Б). Популяционные различия в мужских группах проявились в том, что самые высокие оценки по данному признаку наблюдались в выборке кабардинцев, самые низкие – в выборке якутов ($N = 36,46$, $p < 0,001$) (рис. 1Б). В женских группах популяционные различия также оказались достоверными ($N = 33,06$, $p < 0,001$): самые высокие значения получены для тувинцев, кабардинцев и балкарцев, самые низкие – для русских из Москвы.

В ходе анализа показателя предпочтений выраженности полового диморфизма по физической силе (при котором мужчины сильнее женщин) получены мозаичные результаты: для пяти групп средние значения были выше среди мужчин (буряты, якуты, балкарцы, русские из Тулы и Москвы), для остальных – выше среди женщин (калмыки, тувинцы, кабардинцы) (рис. 1В). Половые различия по данному показателю были статистически достоверными в выборках бурят, тувинцев, калмыков, кабардинцев, русских из Тулы и Москвы. Более детальный анализ распределения частот баллов выявил, что

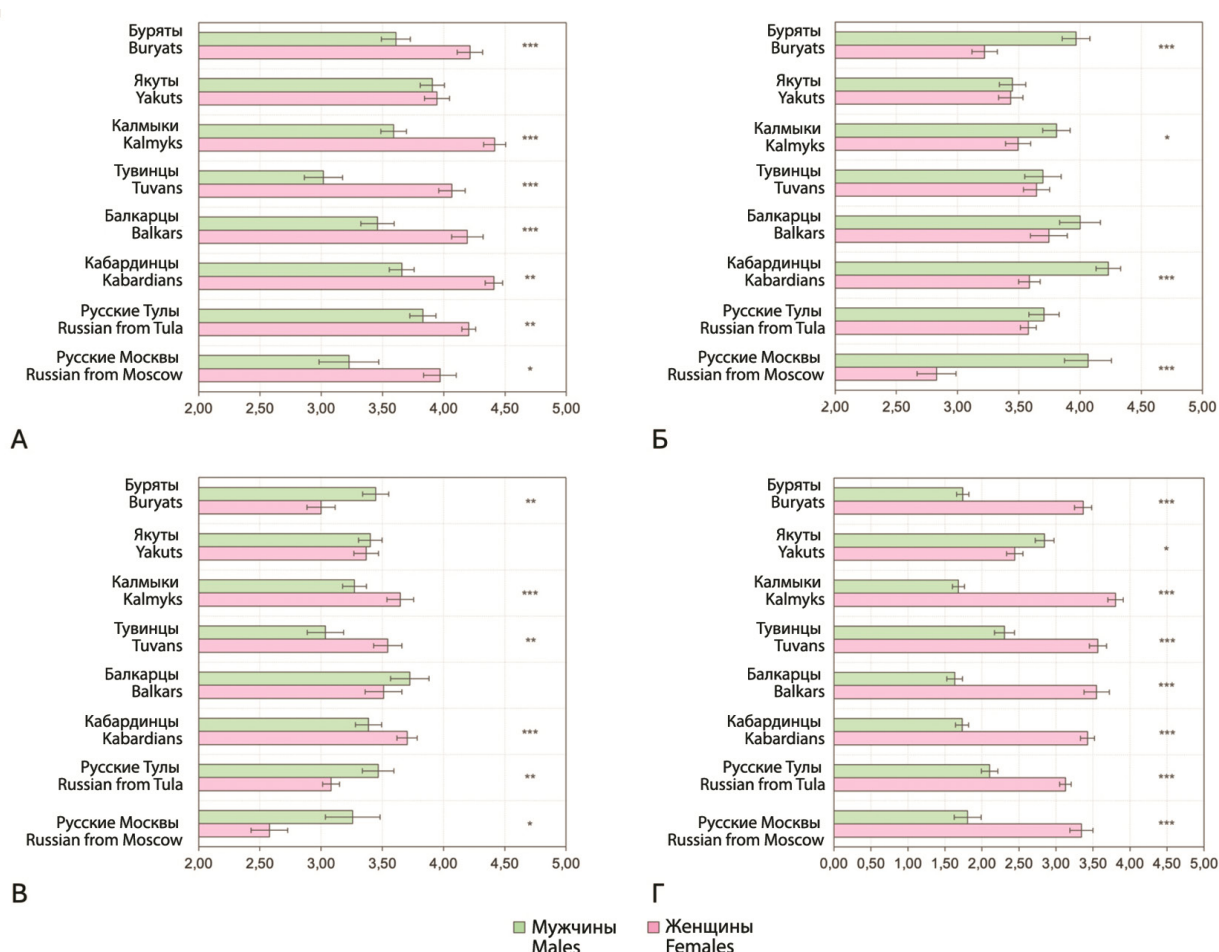

Рисунок 1. Средние значения показателей предпочтений выраженности полового диморфизма по четырем соматическим признакам (А – длине тела, Б – мускулатуре, В – физической силе, Г – жиротложению) у мужчин и женщин в восьми изученных выборках

Примечания. Уровень достоверности различий: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Figure 1. Mean values of indicators of preferences for sexual dimorphism in four somatic parameters (A – height, B – musculature, C – physical strength, D – fat deposition) in males and females across eight study samples

Notes. Significance of differences: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

в выборках бурят, якутов, балкарцев и русских из Тулы, мужчины, в целом, предпочитали физически более слабых женщин, при этом большинство женщин из этих выборок не отдавали явного предпочтения более физически сильным мужчинам (рис. 4). Напротив, большинство женщин из выборок калмыков, тувинцев и кабардинцев оценивали существенную разницу в силовых характеристиках в пользу мужчин, как привлекательную характеристику. Статистически достоверные популяционные различия по данному показателю выявлены среди женских групп ($N = 70,33$, $p < 0,001$), но не среди мужских ($N = 12,92$, $p = 0,074$). Самые высокие средние значения получены для женщин из выборки

калмыков и кабардинцев, самые низкие – для русских из Москвы (рис. 1В).

Во всех изученных выборках, за исключением якутов, более высокие средние значения показателя предпочтений выраженности полового диморфизма по развитию жиротложения (при котором жировая ткань развита сильнее у женщин по сравнению с мужчинами) характерны для женщин (рис. 1Г), что свидетельствует о предпочтении ими худощавых мужчин с низким развитием жиротложения (рис. 5). При этом выявлены статистически достоверные популяционные различия средних значений по данному показателю ($N = 75,42$, $p < 0,001$). Наиболее высокие значения среди женщин получены в группе

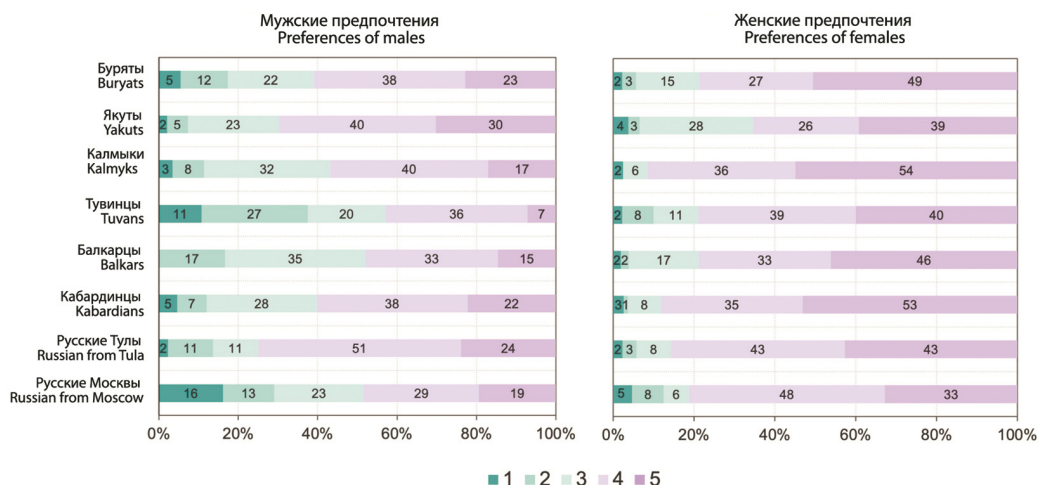

Рисунок 2. Распределения частот баллов предпочтений выраженности полового диморфизма по длине тела у мужчин (слева) и женщин (справа) в восьми изученных выборках

Примечания. Чем выше баллы по данному показателю, тем больший уровень полового диморфизма по росту (при котором мужчина выше, чем женщина) предпочтителен.

Figure 2. Frequency distributions of scores of preferences for sexual dimorphism in height for males (left) and females (right) across eight study samples

Notes. Higher scores indicate a greater preference for sexual dimorphism in height (where men are taller than women).

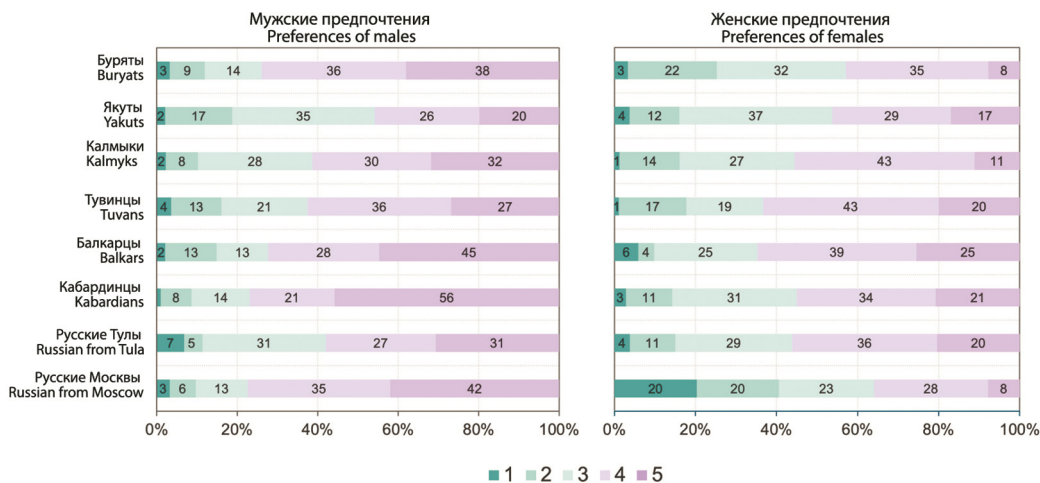

Рисунок 3. Распределения частот баллов предпочтений выраженности полового диморфизма по развитию мускулатуры у мужчин (слева) и женщин (справа) в восьми изученных выборках

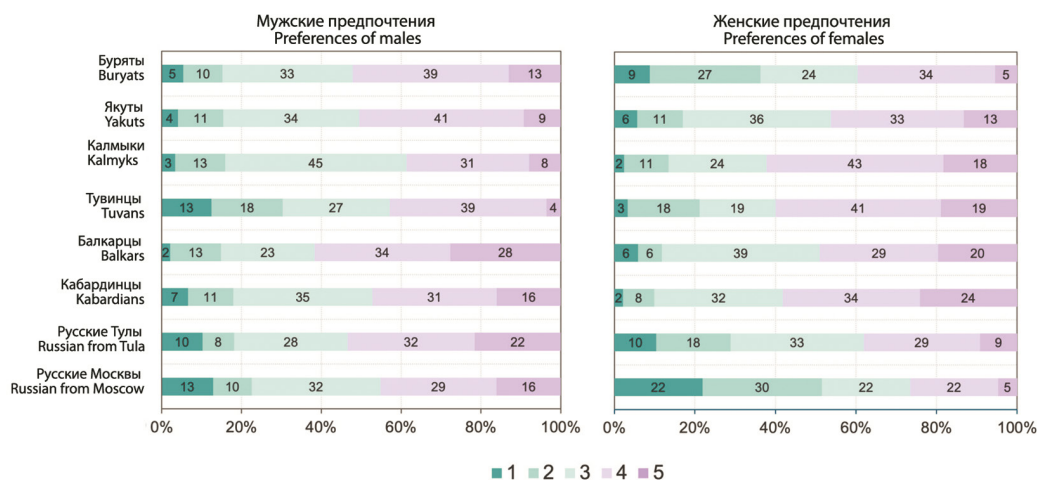
Примечания. Чем выше баллы по данному показателю, тем больший уровень полового диморфизма по развитию мускулатуры (при котором мужчина более мускулист, чем женщина) предпочтителен.

Figure 3. Frequency distributions of scores of preferences for sexual dimorphism in muscular development for males (left) and females (right) across eight study samples

Notes. Higher scores indicate a greater preference for sexual dimorphism in muscular development (where men are more muscular than women).

калмыков, низкие – в группе якутов (рис. 1Г). Мужчины из всех изученных выборок предпочитали худощавых женщин (рис. 5). Самые низкие средние значения показателя предпочтений вы-

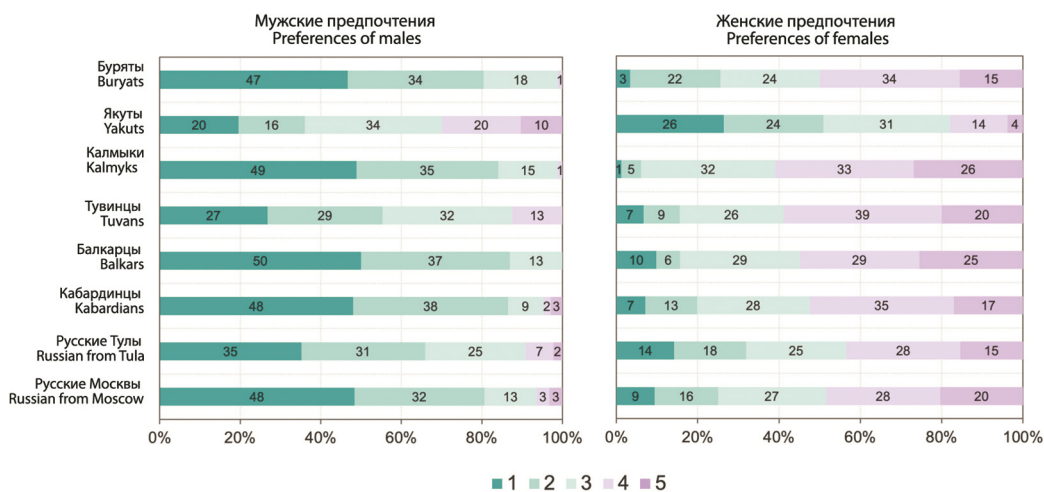
раженности полового диморфизма по жиротложению получены в группах калмыков, балкарцев и бурят, высокие – среди якутов ($N = 80,69$, $p < 0,001$).

Рисунок 4. Распределения частот баллов предпочтений выраженности полового диморфизма по физической силе у мужчин (слева) и женщин (справа) в восьми изученных выборках
 Примечания. Чем выше баллы по данному показателю, тем больший уровень полового диморфизма по физической силе (при котором мужчина сильнее женщины) предпочтителен.

Figure 4. Frequency distributions of scores of preferences for sexual dimorphism in physical strength for males (left) and females (right) across eight study samples

Notes. Higher scores indicate a greater preference for sexual dimorphism in physical strength (where men are stronger than women).

Рисунок 5. Распределения частот баллов предпочтений выраженности полового диморфизма по жиротолжению у мужчин (слева) и женщин (справа) в восьми изученных выборках
 Примечания. Чем выше баллы по данному показателю, тем больший уровень полового диморфизма по жиротолжению (при котором для женщин характерно большее развитие жировой ткани и, как следствие, более полное телосложение, чем мужчины) предпочтителен.

Figure 5. Frequency distributions of scores of preferences for sexual dimorphism in fat deposition for males (left) and females (right) across eight study samples

Notes. Higher scores indicate a greater preference for sexual dimorphism in fat deposition (where women exhibit a greater development of adipose tissue compared to men).

Результаты корреляционного анализа показали существование ассоциаций между некоторыми показателями предпочтений полового ди-

морфизма соматических характеристик (рис. 6). Во всех исследованных группах мужчин и женщин статистически достоверные коэффициенты

корреляции невысоки и их абсолютные значения варьировали в диапазоне 0,15–0,52, что свидетельствует о взаимосвязях слабого и среднего уровня.

Практически во всех мужских группах (за исключением бурят) выявлены статистически достоверные положительные корреляции между предпочтениями полового диморфизма по длине тела и физической силе (рис. 6). Это самая тесная из всех выявленных в мужских группах взаимосвязей (коэффициенты корреляции от 0,32 ($p < 0,05$) у тувинцев до 0,46 ($p < 0,01$) у русских из Москвы). Еще одна устойчивая для мужских групп отрицательная связь была выявлена между предпочтениями полового диморфизма по показателям мускулатуры и жировотложения. Статистически достоверные коэффициенты корреляции варьировали от -0,21 ($p < 0,05$) у русских из Тулы до -0,44 ($p < 0,05$) у балкарцев. В некоторых выборках были выявлены дополнительные ассоциации, в том числе положительная корреляция между предпочтениями полового диморфизма по развитию мускулатуры и физической силе (в группах якутов, кабардинцев и русских из Тулы). Кроме этого, в группе якутов установлена ассоциация между предпочтениями полового диморфизма по длине тела и развитию жировотложения ($r = 0,25$, $p < 0,05$). В группах мужчин из выборок якутов, кабардинцев и русских из Тулы выявлено наибольшее количество статистически достоверных ассоциаций между предпочтениями выраженности полового диморфизма (рис. 6).

Наиболее устойчивыми в женских группах были ассоциации предпочтений полового диморфизма по длине тела и физической силе, зафиксированные во всех выборках, за исключением русских из Москвы (рис. 6). Статистически достоверные коэффициенты корреляции принимали значения от 0,22 ($p < 0,05$) у бурят до 0,51 ($p < 0,001$) у калмыков. Кроме этого, во многих выборках среди женщин была выявлена устойчивая положительная взаимосвязь между предпочтениями полового диморфизма по развитию мускулатуры и физической силе (рис. 6). Наряду с парными корреляциями в некоторых женских выборках обнаружены комплексы взаимосвязанных предпочтений полового диморфизма (1) по длине тела, физической силе и мускулатуре (калмыки, кабардинцы, русские из Тулы); (2) по длине тела, физической силе и жировотложению (тувинцы, балкарцы, русские из

Тулы). Наибольшее количество статистически достоверных взаимосвязей между предпочтениями по разным критериям выявлено в группе русских женщин из Тулы.

Обсуждение

В настоящей работе были проанализированы предпочтения выраженности полового диморфизма по четырем соматическим признакам (длине тела, развитию мускулатуры, физической силе и жировотложению) у мужчин и женщин в восьми популяциях, различающихся по происхождению, экологическим условиям и культуре, и проведены кросс-популяционные сравнения.

Во всех изученных выборках мужчины и женщины считали привлекательным половые различия по длине тела, при которых мужчина выше женщины (рис. 1, 2), что отражает общий для многих современных популяций характер антропосететических предпочтений, касающихся роста потенциального полового партнера («норма мужчина выше женщины») (Дронова, Бутовская, 2020; Ростовцева с соавт., 2024a; Stulp et al., 2017, 2016; Sorokowski et al., 2020). При этом наблюдались отчетливые различия оценок по данному критерию между полами, свидетельствующие о том, что женщины предпочитали более выраженный половой диморфизм по данному критерию, чем мужчины. В то время как во всех женских группах оценки соответствовали практически универсальному стандарту физической привлекательности потенциального партнера по данному критерию (мужчина выше женщины), то для мужчин наблюдались различия в предпочтениях, касающихся роста потенциальной партнёрши (рис. 2).

Полученные результаты позволяют предположить, что половые различия по развитию мускулатуры обладают большей значимостью в качестве критерия привлекательности для мужчин, чем для женщин, поскольку предпочтения последних были достаточно вариативны. Так, например, тувинские, кабардинские и балкарские женщины предпочитали мужчин с сильно развитой мускулатурой, в то время как бурятские, якутские и русские (москвички) женщины не отдавали большего предпочтения мускулистым мужчинам (рис. 3). Мужчины из всех популяций считали привлекательными женщин со слабо развитой мускулатурой, хотя для бурят, кабардинцев и балкарцев, эти предпочтения более выражены (рис. 3).

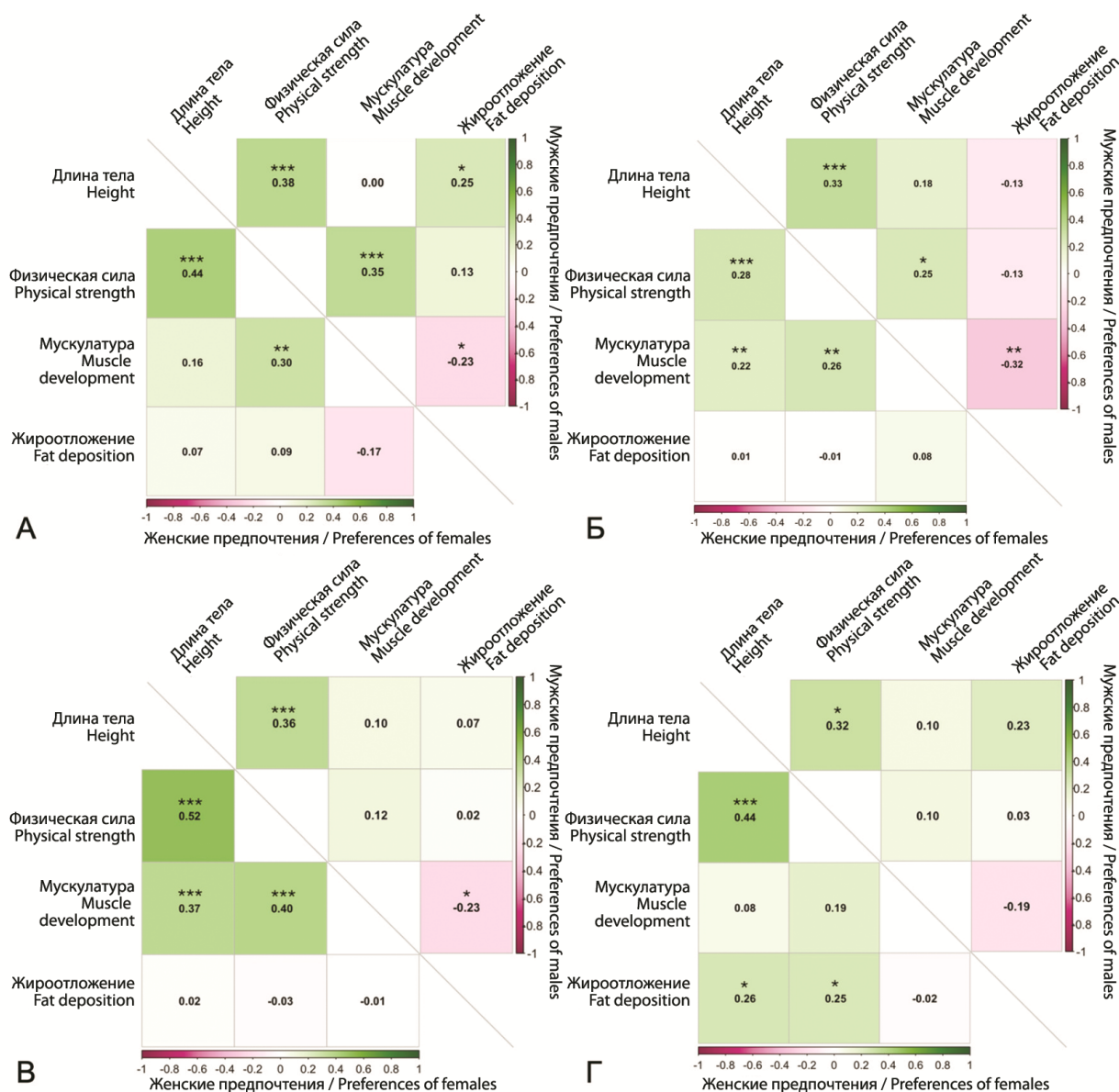

Рисунок 6. Матрицы корреляций между предпочтениями полового диморфизма по длине тела, развитию мускулатуры, физической силе и жироотложению у мужчин и женщин из изученных выборок якутов (А), кабардинцев (Б), калмыков (В) и тувинцев (Г)
 Примечания. Уровень достоверности различий: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Figure 6. Correlation matrices of preferences for sexual dimorphism in height, muscular development, physical strength, and fat deposition among males and females from the samples of Yakuts (A), Kabardians (B), Kalmyks (C), and Tuvans (D)
 Notes. Significance of differences: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Для обоих полов выявлена общая тенденция к предпочтению худощавого телосложения и низкого развития жироотложения у потенциальных половых партнеров (рис. 1, 5). Мужчины во

всех изученных группах предпочитали худых женщин полным, при этом subtilность (низкое жироотложение) как критерий женской телесной привлекательности имела большое значения

для калмыков, балкарцев и кабардинцев, в то время как предпочтения якутских мужчин этим не ограничивались (рис. 5).

В целом, выявленные в настоящем исследовании предпочтения выраженности полового диморфизма по компонентному составу тела соответствуют представлениям о мужской и женской физической привлекательности, преобладающим во многих современных обществах. Так, женщины в большинстве изученных популяций оценивали мускулистых и физически сильных мужчин как более привлекательных, что согласуется с результатами, полученными другими исследователями (Dixson et al., 2007, 2010; Coy et al., 2014; Gallup, Fink, 2018; Sell et al., 2017; Sidari et al., 2021). В свою очередь мужчины считали более привлекательными худощавых женщин, что соответствует антропоэстетическим предпочтениям, которые разделяют представители многих современных западных обществ (Tovée et al., 1998; 2006; Swami, Tovée, 2005, 2007; Swami et al., 2006, 2010; Kościński, 2013; Wang et al., 2015).

Однонаправленный характер некоторых представлений о межполовой привлекательности в популяциях, различающихся по происхождению, экологическим условиям, истории и культуре, позволяет интерпретировать их с позиций эволюционного подхода. Предпочтение женщинами высокорослых мужчин с развитой мускулатурой по всей видимости обусловлено тем, что эти характеристики рассматриваются как показатели приспособленности и репродуктивного потенциала потенциального партнера (общего здоровья, приспособленности, физической силы, социального статуса, доступа к ресурсам, способностей к защите потомства и эффективной конкуренции с представителями своего пола и т.д.) (Бутовская, 2004, 2013; Swami et al., 2008; Coy et al., 2014; Stulp, Barrett, 2016; Sell et al., 2017; Gallup, Fink, 2018; Durkee et al., 2019; Lassek, Gaulin, 2022). Однако, следует отметить, что на формирование предпочтений полового диморфизма по мускулатуре и жиросложению, по всей видимости, также оказали влияния современные унифицированные стандарты телесной красоты: атлетический для мужчин и лептосомный для женщин (Swami et al., 2010; Tiggemann, 2012; Wang et al., 2015; Tiggemann, Anderberg, 2020).

Выявленные популяционные различия антропоэстетических предпочтений могли быть отчасти обусловлены этнокультурными особенностями и социальными нормами, в том числе связанными с полоролевыми ожиданиями (Swami et al., 2008; Coy et al., 2014). Например, в обществах с выраженными консервативными элементами в гендерной системе, для членов которых, вероятно, важны демонстрация маскулинного поведения и проявление стереотипно мужских качеств, как, например, среди народов Северного Кавказа (в настоящем исследовании – кабардинцев и балкарцев) (Клименко, 2013), такие соматические параметры как развитая мускулатура и физическая сила, традиционно ассоциируемые с мужественностью, предположительно могут восприниматься как значимый критерий мужской привлекательности. Можно предположить, что наряду с установками, связанными с мужской внешностью, в обществах с традиционными представлениями о мужских и женских социальных ролях, стандарты женской красоты ассоциированы с характеристиками женственности, в частности стройностью и низким развитием мускулатуры.

В данном контексте примечательными являются результаты, полученные в выборке якутов, для которых выявлено отсутствие выраженной однонаправленности предпочтений полоспецифических признаков. В частности, якутские женщины отдавали наименьшее предпочтение более высокому росту мужчин по сравнению с женщинами из остальных исследованных выборок (рис. 2), а также были наиболее лояльны к мужской полноте (рис. 5). При этом якутские мужчины отдавали больше предпочтений развитию мускулатуры у женщин (рис. 3), и также чаще предпочитали полных женщин на фоне предпочтений, характерных для мужчин из других популяций (рис. 5). Такие особенности могут быть обусловлены как экологическими, так и социокультурными факторами. Якуты являются самой северной из исследованных нами популяций. В одной из наших более ранних работ отмечалось, что для якутов характерны довольно стабильные соматические показатели, характерные для северного типа (или арктического адаптивного типа) телосложения: более высокая массивность, более высокое содержание жировой, мышечной и костной ткани, большие значения обхватов туловища и самые низкие

значения кумулятивного коэффициента полового диморфизма по сравнению с другими монголоидными популяциями Сибири (буряты, тувинцы) (Ростовцева с соавт., 2024б). Это может свидетельствовать о доминирующем эффекте климата низких температур как стабилизирующего фактора. Этот фактор находит отражение и в социокультурных установках. В одном из недавних кросскультурных исследований также были показаны более эгалитарные представления якутов о распределении гендерных ролей (Буркова с соавт., 2025).

В предыдущей работе авторов было высказано предположение, что предпочтения полоспецифических особенностей по четырем соматическим признакам (длине тела, развитию мускулатуры, физической силе и жиротложению) группируются в единые антропоэстетические комплексы, «маскулинный» (высокий рост, развитая мускулатура, физическая сила, низкое жиротложение у мужчин) и «фемининный» (относительно низкий рост, слабое развитие мускулатуры, низкая физическая сила, сильное развитие жиротложение у женщин) (Ростовцева с соавт., 2024а). В настоящем исследовании также были установлены ассоциации между показателями предпочтений по разным критериям, однако устойчивых комплексов предпочтений ни в мужских, ни в женских группах выявлено не было (рис. 6). Можно предположить, что в мужских группах теоретический «фемининный» комплекс распадался на отдельные элементы, выражающиеся в парных ассоциациях полоспецифических признаков, отражавших сопряженность предпочтений мужчинами (1) относительно небольшого роста и физической слабости, а также (2) низкого развития жиротложения и мускулатуры у женщин, характерные для преобладающего большинства изученных групп. Предпочтение «маскулинного» комплекса (высокий рост, развитая мускулатура, физическая сила, низкое жиротложение) было обнаружено только для русских женщин из Тулы, что согласуется с результатами, полученными ранее (Ростовцева с соавт., 2024а). В некоторых женских группах были обнаружены комплексы предпочтений (1) высокого роста, мускулистости и физической силы, а также (2) высокого роста, низкого жиротложения и физической силы у мужчин. Кроме этого, для женщин установлены парные корреляции предпочтений (1) высокого

роста и физической силы, (2) развитой мускулатуры и физической силы у мужчин. С одной стороны, выявленные в мужских и женских группах парные и комплексные ассоциации могут отражать общую для всех выборок тенденцию к интеграции антропоэстетических предпочтений в «фемининный» и «маскулинный» комплексы соответственно. С другой стороны, целостность или фрагментарность комплексов может характеризовать специфические для разных культур комплексы представления о физической привлекательности мужского и женского тела.

Заключение

Таким образом, выявленные в настоящем исследовании предпочтения выраженности полового диморфизма по соматическим признакам (длине тела, развитию мускулатуры, физической силе и жиротложению) у мужчин и женщин из восьми популяций, отражают как универсальные, так и специфические для разных групп, представления о межполовой привлекательности, обусловленные эволюционными и социокультурными факторами. Большинство мужчин считали привлекательными стройных женщин со слабым развитием мускулатуры, чей рост был ниже их собственного. В свою очередь женщины предпочитали высоких мужчин с развитой мускулатурой (и физически сильных) и низким развитием жиротложения. Однако, в некоторых изученных популяциях наблюдалась большая вариабельность оценок по данным антропоэстетическим критериям. Выявлены устойчивые ассоциации некоторых антропоэстетических предпочтений, которые, по всей видимости, отражают общую для разных популяций тенденцию к комплексному восприятию физической привлекательности мужского и женского тела.

Список литературы

- Буркова В.Н., Бутовская М.Л., Семенова О.В., Амиргалина Г.Т., Галимханов А.Б., Егорова А.И., Зинурова Р.И. Мужские и женские роли у современной молодежи тюркоязычных народов (башкиры, казахи, татары и якуты) // Этнография, 2025. № 2 (28). С. 90–121.
- Бутовская М.Л. Язык тела: природа и культура. М.: Научный Мир. 2004. 437 с.
- Бутовская М.Л. Антропология пола. Фрязино: Век – 2. 2013. 256 с.
- Дронова Д.А., Бутовская М.Л. Брачная ассортативность и ее связь с половым диморфизмом у индейцев: экспериментальные данные с использовани-

ем стимульных изображений // Сибирские исторические исследования, 2020. № 1. С. 230–246.

Клименко Л.В. Гендерные диспозиции в современной северокавказской семье: модернизация и архаизация // Женщина в российском обществе, 2013. № 1. С. 20–31.

Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А. Представления о привлекательности мужского и женского тела и особенности полового диморфизма русских и бурят // Сибирские исторические исследования, 2024а. № 1. С. 185–209.

Ростовцева В.В., Бутовская М.Л., Мезенцева А.А., Дашиева Н.Б., Стручкова Н.А. Популяционные и половые особенности телосложения современных молодых бурят, якутов и тувинцев // Байкальские встречи – XIII. Степная Евразия: культурное единство и многообразие: материалы Международной научно-практической конференции (20–21 сентября 2024 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ). Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2024б. С. 34–42.

Bovet J. Evolutionary theories and men's preferences for women's waist-to-hip ratio: Which hypotheses remain? A systematic review. *Front. Psychol.*, 2019, 10, pp. 1–20. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01221>

Coy A.E., Green J.D., Price M.E. Why is low waist-to-chest ratio attractive in males? The mediating roles of perceived dominance, fitness, and protection ability. *Body Image*, 2014, 11 (3), pp. 282–289. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2014.04.003>

Davis A.C., Arnocky S. An Evolutionary Perspective on Appearance Enhancement Behavior. *Arch. Sex. Behav.*, 2022, 51 (1), pp. 3–37. <https://doi.org/10.1007/s10508-020-01745-4>

Dixson B.J., Dixon A.F., Morgan B., Anderson M.J. Human physique and sexual attractiveness: Sexual preferences of men and women in Bakossiland, Cameroon. *Arch. Sex. Behav.*, 2007, 36 (3), pp. 369–375. DOI: 10.1007/s10508-006-9093-8.

Dixson B.J., Dixon A.F., Bishop P.J., Parish A. Human physique and sexual attractiveness in men and women: A New Zealand–U.S. comparative study. *Arch. Sex. Behav.*, 2010, 39 (3), pp. 798–806. <https://doi.org/10.1007/s10508-008-9441-y>

Donovan C.L., Uhlmann L.R., Loxton N.J. Strong is the New Skinny, but is it Ideal?: A Test of the Tripartite Influence Model using a new Measure of Fit-Ideal Internalisation. *Body Image*, 2020, 35, pp. 171–180. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.09.002>

Durkee P.K., Polo P., Muñoz-Reyes J.A., Rodríguez-Ruiz C., Losada-Pérez M. et al. Men's Bodily Attractiveness: Muscles as Fitness Indicators. *Evol. Psychol.*, 2019, 17 (2). <https://doi.org/10.1177/1474704919852918>

Faries M.D., Bartholomew J.B. The role of body fat in female attractiveness. *Evol. Hum. Behav.*, 2012, 33 (6), pp. 672–681. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2012.05.002>

Frederick D.A., Haselton M.G. Why is muscularity sexy? Tests of the fitness indicator hypothesis. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 2007, 33 (8), pp. 1167–1183. <https://doi.org/10.1177/0146167207303022>

Frederick D.A., Reynolds T.A. The Value of Integrating Evolutionary and Sociocultural Perspectives on Body Image. *Arch. Sex. Behav.*, 2022, 51 (1), pp. 57–66. <https://doi.org/10.1007/s10508-020-01745-4>

Gallup A.C., Fink B. Handgrip strength as a Darwinian fitness indicator in men. *Front. Psychol.*, 2018, 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00439>

Kościński K. Attractiveness of women's body: body mass index, waist–hip ratio, and their relative importance. *Behav. Ecol.*, 2013, 24 (4), pp. 914–925. <https://doi.org/10.1093/beheco/art016>

Lassek W.D., Gaulin S.J.C. Do the Low WHRs and BMIs Judged Most Attractive Indicate Better Health? *Evol. Psychol.*, 2018, 16 (4). <https://doi.org/10.1177/14747049188000>

Lassek W.D., Gaulin S.J.C. Substantial but Misunderstood Human Sexual Dimorphism Results Mainly from Sexual Selection on Males and Natural Selection on Females. *Front. Psychol.*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.859931>

Leopold L. Social body weight norms: a population-based profile in Germany, the Netherlands, and the United States. *BMC Public Health*, 2025, 25 (1), 876. <https://doi.org/10.1186/s12889-025-21449-5>

McComb S.E., Mills J.S. Eating and body image characteristics of those who aspire to the slim-thick, thin, or fit ideal and their impact on state body image. *Body Image*, 2022, 42, pp. 375–384. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2022.07.017>

NCD Risk Factor Collaboration (NCD RiskC). A century of trends in adult human height. *Elife*, 2016, 5, e13410. <https://doi.org/10.7554/eLife.13410>

Pisanski K., Fernandez-Alonso M., Díaz-Simón N., Oleszkiewicz A., Sardinias A. et al. Assortative mate preferences for height across short-term and long-term relationship contexts in a cross-cultural sample. *Front. Psychol.*, 2022, 13, 937146. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.937146>

Sell A., Lukaszewski A.W., Townsley M. Cues of upper body strength account for most of the variance in men's bodily attractiveness. *Proc. R. Soc. B.*, 2017, 284 (1869), 20171819. <https://doi.org/10.1098/rspb.2017.1819>

Sidari M.J., Lee A.J., Murphy S.C., Sherlock J.M., Dixon B.J. et al. Preferences for Sexually Dimorphic Body Characteristics Revealed in a Large Sample of Speed Daters. *Soc. Psychol. Personal. Sci.*, 2021, 12 (2), pp. 225–236. <https://doi.org/10.1177/1948550619882925>

Singh D., Dixon B.J., Jessop T.S., Morgan B., Dixon A.F. Cross-cultural consensus for waist-hip ratio and women's attractiveness. *Evol. Hum. Behav.*, 2010, 31 (3), pp. 176–181. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2009.09.001>

Sorokowski P., Szmajke A., Sorokowska A., Cunen M.B., Fabrykant M. et al. Attractiveness of leg length: Report from 27 nations. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 2011, 42 (1), pp. 131–139. <https://doi.org/10.1177/0022022110392229>

Sorokowski P., Kościński K., Sorokowska A., Huanca T. Preference for women's body mass and waist-to-hip ratio in tsimane' men of the Bolivian Amazon: Biological and cultural determinants. *PLoS One*, 2014, 9 (8), e105468. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0105468>

Sorokowski P., Oleszkiewicz A., Sorokowska A., Pisanski K. Human height preferences as a function of population size in the Cook Islands and Norway. *Am. J. Hum. Biol.*, 2020, 32 (3), e23367. <https://doi.org/10.1002/ajhb.23367>

Sorokowski P., Butovskaya M.L. Height preferences in humans may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania. *Body Image*, 2012, 9 (4), pp. 510–516. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.07.002>

Sorokowski P., Sorokowska A. Judgments of Sexual Attractiveness: A Study of the Yali Tribe in Papua. *Arch. Sex. Behav.*, 2012, 41, pp. 1209–1218. <https://doi.org/10.1007/s10508-012-9906-x>

Stulp G., Barrett L. Evolutionary perspectives on human height variation. *Biol. Rev.*, 2016, 91 (1), pp. 206–234. <https://doi.org/10.1111/brv.12165>

Stulp G., Simons M.J., Grasman S., Pollet T.V. Assortative mating for human height: A meta-analysis. *Am. J. Hum. Biol.*, 2017, 29 (1), e22917. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22917>

Swami V., Tovée M. J. Female physical attractiveness in Britain and Malaysia: A cross-cultural study. *Body Image*, 2005, 2 (2), pp. 115–128. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2005.02.002>

Swami V., Caprario C., Tovée M.J., Furnham A. Female physical attractiveness in Britain and Japan: a cross-cultural study. *Eur. J. Person.*, 2006, 20 (1), pp. 69–81. <https://doi.org/10.1002/per.568>

Swami V., Tovée M. J. Differences in attractiveness preferences between observers in low-and high-resource environments in Thailand. *J. Evol. Psychol.*, 2007, 5 (1), pp. 149–160. <https://doi.org/10.1556/jep.2007.1005>

Swami V., Furnham A., Balakumar N., Williams C., Canaway et al. Factors influencing preferences for height: A replication and extension. *Pers. Individ. Dif.*, 2008, 45 (5), pp. 395–400. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2008.05.012>

Swami V., Frederick D.A., Aavik T., Alcalay L., Allik J. et al. The attractive female body weight and female body dissatisfaction in 26 countries across 10 world regions: Results of the International Body Project I. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 2010, 36 (3), pp. 309–325. <https://doi.org/10.1177/0146167209359702>

Tiggemann M. Sociocultural perspectives on body image. In *Encyclopedia of body image and human appearance*, 2012, pp. 758–765.

Tiggemann M., Anderberg I. The effect of Influencers' fashion and fitpiration images on men's body image. *Body Image*, 2020, 35, pp. 237–244. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.10.001>

Tovée M.J., Reinhardt S., Emery J.L., Cornelissen P.L. Optimum body-mass index and maximum sexual attractiveness. *The Lancet*, 1998, 352 (9127), pp. 548.

Tovée M.J., Swami V., Furnham A., Mangalparsad R. Changing perceptions of attractiveness as observers are exposed to a different culture. *Evol. Hum. Behav.*, 2006, 27 (6), pp. 443–456. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2006.05.004>

Wang G., Djafarian K., Egedigwe C.A., El Hamdouchi A., Ojiambo R. et al. The relationship of female physical attractiveness to body fatness. *Peer J.*, 2015, 3, e1155. <https://doi.org/10.7717/peerj.1155>

Watkins C. D. Mate assessment based on physical characteristics: a review and reflection. *Biol. Rev.*, 2025, 100 (1), pp. 113–130. <https://doi.org/10.1111/brv.13131>

Wells J.C.K. Sexual dimorphism in body composition across human populations: Associations with climate and proxies for short- and long-term energy supply. *Am. J. Hum. Biol.*, 2012, 24 (4), pp. 411–419. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22223>

References

Bovet J. Evolutionary theories and men's preferences for women's waist-to-hip ratio: Which hypotheses remain? A systematic review. *Front. Psychol.*, 2019, 10, pp. 1–20. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.01221>

Burkova V., Butovskaya M., Semenova O., Amirgalina G., Galimkhanov A., Egorova A., Zinurova R. Male and Female Roles among Modern Youth of Turkic-- Speaking Populations (Bashkirs, Kazakhs, Tatars, and Yakuts). *Etnografya*, 2025, 2 (28), pp. 90–121. (In Russ.). [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2\(28\)-90-121](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2025-2(28)-90-121)

Butovskaya M.L. *Body Language: Nature and Culture*. Moscow, Nauchnui Mir Publ., 2004. 437 p. (In Russ.).

Butovskaya M.L. *Anthropology of Sex*. Fiazino, Vek – 2 Publ., 2013. 256 p. (In Russ.).

Coy A.E., Green J.D., Price M.E. Why is low waist-to-chest ratio attractive in males? The mediating roles of perceived dominance, fitness, and protection ability. *Body Image*, 2014, 11 (3), pp. 282–289. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2014.04.003>

Davis A.C., Amocky S. An Evolutionary Perspective on Appearance Enhancement Behavior. *Arch. Sex. Behav.*, 2022, 51 (1), pp. 3–37. <https://doi.org/10.1007/s10508-020-01745-4>

Dixson B.J., Dixson A.F., Morgan B., Anderson M.J. Human physique and sexual attractiveness: Sexual preferences of men and women in Bakossiland, Cameroon. *Arch. Sex. Behav.*, 2007, 36 (3), pp. 369–375. DOI: 10.1007/s10508-006-9093-8.

Dixson B.J., Dixson A.F., Bishop P.J., Parish A. Human physique and sexual attractiveness in men and women: A New Zealand–U.S. comparative study. *Arch. Sex. Behav.*, 2010, 39 (3), pp. 798–806. <https://doi.org/10.1007/s10508-008-9441-y>

Donovan C.L., Uhlmann L.R., Loxton N.J. Strong is the New Skinny, but is it Ideal?: A Test of the Tripartite Influence Model using a new Measure of Fit-Ideal Internalisation. *Body Image*, 2020, 35, pp. 171–180. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.09.002>

Dronova D.A., Butovskaya M.L. Assortative mating and its relationship with sexual dimorphism in Indians: Experimental data using stimulus images. *Siberian Historical Research*, 2020, 1., pp. 230–246. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/2312461X/27/12>

Durkee P.K., Polo P., Muñoz-Reyes J.A., Rodríguez-Ruiz C., Losada-Pérez M. et al. Men's Bodily Attractiveness: Muscles as Fitness Indicators. *Evol. Psychol.*, 2019, 17 (2). <https://doi.org/10.1177/1474704919852918>

Faries M.D., Bartholomew J.B. The role of body fat in female attractiveness. *Evol. Hum. Behav.*, 2012, 33 (6), pp. 672–681. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2012.05.002>

Frederick D.A., Haselton M.G. Why is muscularity sexy? Tests of the fitness indicator hypothesis. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 2007, 33 (8), pp. 1167–1183. <https://doi.org/10.1177/0146167207303022>

Frederick D.A., Reynolds T.A. The Value of Integrating Evolutionary and Sociocultural Perspectives on Body Image. *Arch. Sex. Behav.*, 2022, 51 (1), pp. 57–66. <https://doi.org/10.1007/s10508-020-01745-4>

Gallup A.C., Fink B. Handgrip strength as a Darwinian fitness indicator in men. *Front. Psychol.*, 2018, 9. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00439>

Klimenko L.V. Gender disposition in a modern family of the Northern Caucasus: modernization and archaization. *Woman in Russian Society*, 2013, 1, pp. 20–31. (In Russ.).

Kościński K. Attractiveness of women's body: body mass index, waist–hip ratio, and their relative im-

- portance. *Behav. Ecol.*, 2013, 24 (4), pp. 914–925. <https://doi.org/10.1093/beheco/art016>
- Lassek W.D., Gaulin S.J.C. Do the Low WHRs and BMIs Judged Most Attractive Indicate Better Health? *Evol. Psychol.*, 2018, 16 (4). <https://doi.org/10.1177/14747049188000>
- Lassek W.D., Gaulin S.J.C. Substantial but Misunderstood Human Sexual Dimorphism Results Mainly from Sexual Selection on Males and Natural Selection on Females. *Front. Psychol.*, 2022, 13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.859931>
- Leopold L. Social body weight norms: a population-based profile in Germany, the Netherlands, and the United States. *BMC Public Health*, 2025, 25 (1), 876. <https://doi.org/10.1186/s12889-025-21449-5>
- McComb S.E., Mills J.S. Eating and body image characteristics of those who aspire to the slim-thick, thin, or fit ideal and their impact on state body image. *Body Image*, 2022, 42, pp. 375–384. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2022.07.017>
- NCD Risk Factor Collaboration (NCD RiskC). A century of trends in adult human height. *Elife*, 2016, 5, e13410. <https://doi.org/10.7554/eLife.13410>
- Pisanski K., Fernandez-Alonso M., Díaz-Simón N., Oleszkiewicz A., Sardinias A. et al. Assortative mate preferences for height across short-term and long-term relationship contexts in a cross-cultural sample. *Front. Psychol.*, 2022, 13, 937146. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.937146>
- Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentsseva A.A. Preferences for male and female body parameters and characteristics of sexual dimorphism in Russians and Buryats. *Siberian Historical Research*, 2024a, 1, pp. 185–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/2312461X/43/12>
- Rostovtseva V.V., Butovskaya M.L., Mezentsseva A.A., Dashieva N.B., Struchkova N.A. Population and sex differences in the constitutional parameters of modern young Buryats, Yakuts and Tuvans. In *Baikal Meetings – XIII. Steppe Eurasia: Cultural Unity and Diversity: Materials of the International Scientific and Practical Conference (September 20–21, 2024, Republic of Buryatia, Ulan-Ude)*, Ulan-Ude, Publishing and Printing Complex of the federal state budgetary educational institution of higher education «East-Siberian State Institute of Culture (VSGIK)», 2024b, pp. 34–42. (In Russ.).
- Sell A., Lukazsweski A.W., Townsley M. Cues of upper body strength account for most of the variance in men's bodily attractiveness. *Proc. R. Soc. B.*, 2017, 284 (1869), 20171819. <https://doi.org/10.1098/rspb.2017.1819>
- Sidari M.J., Lee A.J., Murphy S.C., Sherlock J.M., Dixon B.J. et al. Preferences for Sexually Dimorphic Body Characteristics Revealed in a Large Sample of Speed Daters. *Soc. Psychol. Personal. Sci.*, 2021, 12 (2), pp. 225–236. <https://doi.org/10.1177/1948550619882925>
- Singh D., Dixon B.J., Jessop T.S., Morgan B., Dixon A.F. Cross-cultural consensus for waist-hip ratio and women's attractiveness. *Evol. Hum. Behav.*, 2010, 31 (3), pp. 176–181. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2009.09.001>
- Sorokowski P., Szmajke A., Sorokowska A., Cunen M.B., Fabrykant M. et al. Attractiveness of leg length: Report from 27 nations. *J. Cross. Cult. Psychol.*, 2011, 42 (1), pp. 131–139. <https://doi.org/10.1177/0022022110392229>
- Sorokowski P., Kościński K., Sorokowska A., Huanca T. Preference for women's body mass and waist-to-hip ratio in tsimane' men of the Bolivian Amazon: Biological and cultural determinants. *PLoS One*, 2014, 9 (8), e105468. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0105468>
- Sorokowski P., Oleszkiewicz A., Sorokowska A., Pisanski K. Human height preferences as a function of population size in the Cook Islands and Norway. *Am. J. Hum. Biol.*, 2020, 32 (3), e23367. <https://doi.org/10.1002/ajhb.23367>
- Sorokowski P., Butovskaya M.L. Height preferences in humans may not be universal: Evidence from the Datoga people of Tanzania. *Body Image*, 2012, 9 (4), pp. 510–516. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2012.07.002>
- Sorokowski P., Sorokowska A. Judgments of Sexual Attractiveness: A Study of the Yali Tribe in Papua. *Arch. Sex. Behav.*, 2012, 41, pp. 1209–1218. <https://doi.org/10.1007/s10508-012-9906-x>
- Stulp G., Barrett L. Evolutionary perspectives on human height variation. *Biol. Rev.*, 2016, 91 (1), pp. 206–234. <https://doi.org/10.1111/brv.12165>
- Stulp G., Simons M.J., Grasman S., Pollet T.V. Assortative mating for human height: A meta-analysis. *Am. J. Hum. Biol.*, 2017, 29 (1), e22917. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22917>
- Swami V., Tovée M. J. Female physical attractiveness in Britain and Malaysia: A cross-cultural study. *Body Image*, 2005, 2 (2), pp. 115–128. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2005.02.002>
- Swami V., Caprario C., Tovée M.J., Furnham A. Female physical attractiveness in Britain and Japan: a cross-cultural study. *Eur. J. Person.*, 2006, 20 (1), pp. 69–81. <https://doi.org/10.1002/per.568>
- Swami V., Tovée M. J. Differences in attractiveness preferences between observers in low-and high-resource environments in Thailand. *J. Evol. Psychol.*, 2007, 5 (1), pp. 149–160. <https://doi.org/10.1556/jep.2007.1005>
- Swami V., Furnham A., Balakumar N., Williams C., Canaway et al. Factors influencing preferences for height: A replication and extension. *Pers. Individ. Dif.*, 2008, 45 (5), pp. 395–400. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2008.05.012>
- Swami V., Frederick D.A., Aavik T., Alcalay L., Allik J. et al. The attractive female body weight and female body dissatisfaction in 26 countries across 10 world regions: Results of the International Body Project I. *Pers. Soc. Psychol. Bull.*, 2010, 36 (3), pp. 309–325. <https://doi.org/10.1177/0146167209359702>
- Tiggemann M. Sociocultural perspectives on body image. In *Encyclopedia of body image and human appearance*, 2012, pp. 758–765.
- Tiggemann M., Anderberg I. The effect of Influencers' fashion and fitspiration images on men's body image. *Body Image*, 2020, 35, pp. 237–244. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2020.10.001>
- Tovée M.J., Reinhardt S., Emery J.L., Cornelissen P.L. Optimum body-mass index and maximum sexual attractiveness. *The Lancet*, 1998, 352 (9127), pp. 548.
- Tovée M.J., Swami V., Furnham A., Mangalparsad R. Changing perceptions of attractiveness as observers are exposed to a different culture. *Evol. Hum. Behav.*, 2006, 27 (6), pp. 443–456. <https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2006.05.004>
- Wang G., Djafarian K., Egedigwe C.A., El Hamdouchi A., Ojiambo R. et al. The relationship of female physical attractiveness to body fatness. *Peer J.*, 2015, 3, e1155. <https://doi.org/10.7717/peerj.1155>
- Watkins C. D. Mate assessment based on physical characteristics: a review and reflection. *Biol. Rev.*, 2025, 100 (1), pp. 113–130. <https://doi.org/10.1111/brv.13131>

Wells J.C.K. Sexual dimorphism in body composition across human populations: Associations with climate and proxies for short- and long-term energy supply. *Am. J. Hum. Biol.*, 2012, 24 (4), pp. 411–419. <https://doi.org/10.1002/ajhb.22223>

Информация об авторах/ Information about the authors

Хафизова Айнур Асхадовна, к.б.н., кафедра антропологии биологического факультета, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация

aya.khafizova@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0003-4764-6792>

Ростовцева Виктория Викторовна, к.б.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
victoria.v.rostovtseva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1846-9865>

Мезенцева Анна Александровна, к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
a.mezentseva.iea.ras.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6149-8971>

Дронова Дарья Алексеевна, к.и.н., Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
dariadronova@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-2735-6248>

Дашиева Надежда Базаржаповна, д.и.н., научно-исследовательской лаборатория истории и теории культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Российская Федерация
dashieva-n@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3652-2535>

Короткова Анна Альбертовна, д.б.н., кафедра биологии и экологии факультета естественных наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Российская Федерация
korotkova123@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8699-9489>

Стручкова Наталья Анатольевна, к.и.н., исторический факультет, Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Российская Федерация
na.struchkova@s-vfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2611-1406>

Иргит Чодураа Константиновна, к.и.н., Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, г. Кызыл, Российская Федерация
choirgit84@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>

Мацакова Наталья Петровна, к.и.н., гуманитарный факультет, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация
kalmhistory@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8586-1632>

Бутовская Марина Львовна, член-корр. РАН, д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
marina.butovskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5528-0519>

Khafizova Ainur A., Ph.D., Department of Anthropology, School of Biology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
aya.khafizova@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0003-4764-6792>

Rostovtseva Victoria V., Ph.D., Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
victoria.v.rostovtseva@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-1846-9865>

Mezentseva Anna A., Ph.D., Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
a.mezentseva.iea.ras.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6149-8971>

Dronova Daria A., Ph.D., Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
dariadronova@yandex.ru
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2735-6248>

Dashieva Nadezhda B., D. Sci., Laboratory of History and Theory of Culture, East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation
dashieva-n@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3652-2535>

Korotkova Anna A., D. Sci., Department of Biology and Ecology, Faculty of Science, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russian Federation
korotkova123@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8699-9489>

Struchkova Natalia A., Ph.D., Faculty of History, North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russian Federation
na.struchkova@s-vfu.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2611-1406>

Irgit Choduraa K., Ph.D., Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russian Federation
choirgit84@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0268-6646>

Matsakova Natalya P., Ph.D., Department of History of Russia, Records Management and Archival Studies, Faculty of Humanities, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation
kalmhistory@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8586-1632>

Butovskaya Marina L., Corresponding Member RAS, D. Sci., Professor, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
marina.butovskaya@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-5528-0519>

Поступила в редакцию 26.08.2025.
Получена после доработки 10.09.2025.
Принята к публикации 10.09.2025.

Received 26.08.2025.
Revised 10.09.2025.
Accepted 10.09.2025.